

Наталья МЕЛЕХИНА

г. Вологда

СЕРДЦЕ без лапок

рассказ

*Посмотри на картинку
и придумай красивый рассказ.
Однажды в принцессу
влюбился простой свинопас.
Лев Лосев. «Деревенская проза»*

«Расскажите про Пуньку!» – просил я родителей в детстве.

Когда для перечисления твоих собственных лет хватает пальцев одной руки, события, случившиеся лет за двадцать до твоего рождения, кажутся столь же древними, как сказочное «давным-давно, в некотором царстве»...

Итак, давным-давно, но вовсе не в тридевятом царстве, а в отдаленной вологодской деревне жили-были мои молодые родители. Оба не царского, а чистокровного крестьянского происхождения. Хотя, глядя на фотографии мамы в юности, в это трудно поверить. Внешне она напоминала принцессу – Одри Хепберн из «Римских каникул», но с местным колоритом: такая же стройная, как былинка, с глазами олененка, только одета не от кутюр, а из арсеналов райпо. Родители только-только поженились и стали жить в деревушке, которая даже сказочному непривередливому лешему показалась бы слишком... деревушечной.

Но поскольку мама все-таки была почти что принцесса, у нее при дворе, впрочем, не царском, а скотном, появился собственный безмолвный рыцарь. В маму влюбился местный немой дурачок Ленька — единственный сын бабки Густы. Ленька в те эпические времена тоже был молод и, как ни странно, красив. Легкая умственная отсталость не отразилась на его внешности, разве что глаза оставались не по возрасту наивными, а в остальном чем тебе не Иванушка из сказки — высокий, ладный, на лицо приятный, и волосы у Леньки вились, пускай и не русые, а каштановые.

Бабка Густя боялась, что после ее смерти Леньку заберут в приют для душевнобольных. «Их там на вулицу не пускают! В еду лекарства ложат! Как в тюрьме держут!» — сокрушалась Августа Георгиевна. Она копила для сына «приданое»: хотела завещать деньги своему племяннику Валере, чтобы тот позаботился о Леньке, когда ее не станет. Некоторые доброхоты бабку Густю отговаривали: мол, пропадут твои труды прахом! Заберет Валера денюжки, а Леньку все равно сдаст в дурдом! Бабка Густя при таких разговорах молчала, поджав губы. Она никого не слушала, откладывала каждую копеечку на сберкнижку, даже сахар и чай не покупала, не тратилась на одежду: донашивала обноски, которые ей отдавали соседи. Ленька тоже щеголял в чем бог пошлёт.

Так вот папа маму к рыцарю Леньке не ревновал. Во-первых, обижать убогого, безобидного человека — большой грех, а во-вторых, в глубине души отец считал ущербными всех мужчин, умудрявшихся жить рядом с моей мамой и не влюбляться в нее. Так что согласно этой логике Ленька был нормальный парень, только немой и плохо одетый.

Безмолвный воин делал даме сердца подарки и совершал во имя ее подвиги. Он то приносил и оставлял на крыльце нашей избы букет ромашек, то помогал в самом тяжком труде. Например, однажды при том самом дворе,

где мама работала бригадиром, сломался водопровод. Устранить поломку у слесарей не получалось целые сутки. Пятьсот рогатых-хвостатых мучились от жажды, а мама — от жалости к ним. Самой неприхотливой корове нужно не менее ведра воды после каждого кормления, и доярки зарабатывали себе надсаду, таская воду из пруда. Ради мамы Ленька спас и бабонек, и буренок: пусть парень не мог похвастаться силой ума, у него были крепкие руки. Он носил воду и день, и ночь, пока весь скот не напился досыта. После этого подвига рыцарь рухнул без сил и почти сутки спал прямо в раздевалке для доярок и скотников. За подвиг водоноса мама выхлопотала для него небольшую премию от колхоза. Эти деньги бабка Густя, конечно же, положила на сберкнижку.

А однажды бессловесный рыцарь подарил маме крошечного щенка дворняги. Назвали собачонку Пунька. Шло время, а песик все не рос и не рос, по-прежнему целиком помещаясь на папиной ладони. Размер у малыша оказался декоративный, а характер — боевой. Пунька отважно бросался на любого человека, зверя или птицу, если считал, что хозяевам угрожает опасность. Малыш виртуозно владел искусством психической атаки: невиданно малый рост песика и его визгливый лай приводили в ужас неприятелей, никогда не видавших таких воинов-невеличек. Вдобавок Пунька снискал себе славу живого охотничьего амулета. Любой поход за зверем или птицей становился удачным, если папа брал песика с собой в лес. Пунька умел распутывать следы белок и куниц, пыхтел, упирался, но вытаскивал из воды убитых уток.

У Лёнькиного подарка был только один недостаток — в высокой траве он совершенно терялся. Однажды на сенокосе малыша не заметили в густой отаве и косой отхватили ему все лапки... Горю моих родителей не было предела. Они выходили Пуньку, но бегать сам крохотулька теперь не мог, только кое-как ползал на лапках-культипках. И тогда мама и папа стали по очереди носить песика в

кармане. Отец по-прежнему брал с собой Пуньку на охоту, и малыш, как и раньше, неизменно приносил удачу. Он не утратил способности плавать и был благодарен, когда его отпускали в пруд за поверженной кряквой или чирком. В воде Пунька не чувствовал своего увечья. Он прожил долгий собачий век в любви и заботе и скончался овеванный слабой, поскольку посмотреть на чудо-охотника без лапок приходили люди со всех окрестных деревень. После смерти, как и положено герою, малыш «переселился» в семейные предания вместе с немой Лёнкой.

Когда бабка Густя ушла в мир иной, ее племянник оформил опеку над безмолвным рыцарем и получил наследство. Наперекор злым языкам Валера, словно в отместку сплетникам, изводившим его долгие годы, сдержал клятву перед теткой: не стал двоюродного брата «сдавать в дурдом», а увез его к себе в Вологду. Говорят, что бессловесного воина даже устроили в спортивную секцию для психически больных людей и он стал чемпионом не то по бегу, как киношный Форрест Гамп, не то по прыжкам в длину...

Но в разлуке сразу с тремя любимыми — родной, матерью и дамой сердца — немой рыцарь прожил недолго: он так сильно тосковал в заколдованном замке многоэтажки, что эта тоска, как ржавчина доспехи, сожрала дни его жизни.

Придет время, и я обязательно расскажу эту историю внукам. Пусть они помнят про Ленку, Пуньку и бабку Густю. Пусть, как и я, задаются вопросом: «Пунька, мой Пунька, сердце в кармане, немое, без лапок... Можно ли сделать дар любимым дороже, чем слово, дар, прекрасней, чем ты?»

□

Наталья Михайловна МЕЛЕХИНА.

Журналист, прозаик, критик.

Родилась в дер. Полтинино (Вологодская обл.).

Окончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства Вологодского педуниверситета.

Автор книги «Медведь с заплатой на ухе» (2012).

Публиковалась в журналах «Знамя», «Соль».

Участник фестиваля «Плюсовая поэзия» (2011).

Финалист конкурса короткого рассказа

«Сестра таланта» (Петрозаводск).

Лауреат конкурса «Северная звезда-2012» в номинации «Проза».

Живет в Вологде.

В журнале «Север» публикуется впервые.

